

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XIX

ИНДИЯ — СТРАНА И НАРОД

Книга 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

М. К. Кудрявцев

**О ПОЛОЖЕНИИ ПЛЕМЕН В ИНДИИ
(В СВЯЗИ С НАУЧНЫМ СЕМИНАРОМ В СИМЛЕ)**

Активизация общественной жизни в Республике Индии с начала независимого ее существования охватила все национальные, социальные, религиозные, профессиональные и другие группы населения. Каждая из этих групп стремилась найти свое место в общественной структуре единого суверенного государства и определить свои отношения с другими общественными группами. Возникли и развили бурную деятельность соответствующие организации, научные институты и добровольные общества.

Объектом пристального внимания индийской общественности в течение последних двух десятилетий стало положение так называемых зарегистрированных племен и судьбы их в новой Индии. А речь в данном случае шла о более чем 400 племенах и народах, общей численностью в настоящее время около 40 млн. человек. Интерес к ним усиливался еще и тем, что многие из них составляли основное население в пограничных, особенно северных и восточных, районах страны.

Занимаясь и раньше некоторыми проблемами этой части индийского населения, автор во время научной командировки в Индию в 1974 г. специально интересовался ими, собирал статистические и литературные материалы, обсуждал «проблему племен» с индийскими коллегами, участвовал в конференции по прикладной антропологии, побывал в деревнях племен, где выяснял на месте некоторые вопросы. В результате сложились определенные представления о положении этой части населения страны и о возможных путях ее эволюции в современных условиях. В данной статье хотелось бы поделиться своими соображениями только по самым общим проблемам племен и их положению в индийском обществе.

Сначала изучим суждения индийских ученых, администраторов и общественных деятелей по этим основным проблемам. Сводкой разных, иногда противоречивых, но компетентных суждений по ним являются материалы «Семинара по племенной ситуации», проведенного в 1969 г. в Симле на высоком научном уровне, с участием виднейших ученых различных специально-

стей, ответственных сотрудников государственного аппарата и практических работников. Материалы семинара были опубликованы отдельной книгой в 1972 г. [1], на страницы которой и будут ссылки в этой статье.

Племенами в Индии обычно называют часть ее населения, состоящую из множества мелких, а иногда и весьма крупных, насчитывающих сотни тысяч и даже миллионы человек, отдельных этнических единиц, этнических групп и целых народов, издавна населяющих определенные территории, преимущественно в горных и лесных областях, говорящих на своих языках, ведущих свой традиционный, иногда весьма своеобразный образ жизни, обычно не исповедующих индуизм и не делящихся на касты. Для обозначения этих чуждых индусской ортодоксальности, не признающих кастовых различий племен и народов есть общий для многих индийских языков термин «адиваси» (абориген). Но в целях лучшей идентификации понятий в официальных документах, научной литературе и массовой печати мы будем называть их привычным термином «племена».

Большая часть этих этнических общностей была в свое время зарегистрирована и в совокупности составила специально оговоренную в Конституции Индии категорию граждан под названием «зарегистрированные племена», т. е. часть населения страны, занимающую, по мнению законодателей, особое положение в индийском обществе. По данным переписи населения 1961 г., которые фигурировали на семинаре, общая численность зарегистрированных племен приближалась к 30 млн. человек¹. Между племенами весьма велики различия по уровню социально-экономического и культурного развития — от примитивных охотников и собирателей до племен, стоящих на одном уровне с крупнейшими народами страны.

Зарегистрированные племена, несмотря на декларированное в Конституции создание особо благоприятных условий их дальнейшего развития, в значительной мере остаются отсталой в социально-экономическом и культурном отношении частью населения. Их достижения на путях прогресса за время независимости не удовлетворяют ни их самих, ни общество, ни правительство. Так, до сих пор невелико среди них число новых земледельцев, т. е. лиц, перешедших к земледелию и получивших землю, а грамотность большинства членов племен все еще в 2—3 раза ниже среднеиндийской.

Как естественный результат политической независимости страны и предоставленных ее населению гражданских прав, при возросшей грамотности, развитии коммуникаций и средств массовой информации, в условиях всеобщей активизации общественной жизни, естественно, росло и развивалось у племен этническое или национальное самосознание.

¹ По переписи 1971 г., 38 млн. человек.

В условиях развития самосознания недовольство своим положением, естественно, вызывало среди племен разного рода движения за улучшение материальных условий существования, обучение детей в школах на родном языке, расширение представительства того или другого племени в органах местного самоуправления и т. д. Но в отдельных случаях движения выдвигали требования территориальной, культурной и даже политической автономии племени или группы племен в существующей административной структуре страны. Как правило, эти движения были вполне лояльны и лишены сепаратистских тенденций. Но в иных случаях, когда речь шла о населении пограничных районов и на таком народном движении начинали спекулировать зарубежные силы, оно грозило переродиться в сепаратистское и вызвать нежелательные осложнения в деле национальной консолидации. Понятно, что подобные политические ситуации волновали правительство, научную и вообще широкую общественность.

Озабоченные судьбами племен, участники семинара видели свою задачу в изыскании кратчайших путей подъема благосостояния и культуры племен и эффективных средств смягчения социальной и политической напряженности в их среде. И большинство собравшихся оказалось единодушным в определении путей решения этой задачи. Таким путем они считали «интеграцию племен в русло индийской национальной жизни». Никто не выражал сомнений в закономерности постановки этой проблемы, в необходимости и осуществимости такой интеграции. Однако разногласия обнаружились в понимании сущности и целей интеграции, выбора средств и толковании понятий, с ней связанных.

Неясными оказались представления и о содержании понятия «племя», особенно в качестве критерия для образования группы «зарегистрированных племен». А ведь, казалось бы, как иронически замечает К. С. Матхур, «не только администраторы и антропологи, но всякий владеющий английским языком прохожий знает, кого в Индии называют племенами» [с. 457]. А знает он потому, что проблема племен в последнее время не сходит со страниц научной, общественно-политической и популярной прессы. Тем не менее не существует единого понимания термина «племя».

Высказывались даже парадоксальные предположения, что племен как таковых — таких, как античные, германские, американские или арабские, вообще нет и никогда не было в Индии, что термин этот был в свое время привнесен в Индию британскими чиновниками и приложен к совершенно иной общественной категории. Действительно, в Индии у так называемых племен, за малым исключением, нет уже ни собственно племенной организации, ни племенного самоуправления, ни советов, ни племенных вождей. Но предположение об отсутствии самих

племен парадоксально хотя бы потому, что 400 племен и 30 млн. населения в списке «зарегистрированных» — объективная реальность, с которой приходится считаться. Для уразумения этой реальности необходимо классифицировать ее, а для этого нужен научный подход.

Ни К. С. Матхур, ни другие не предложили научного определения племени. Единственное исключение составил вступительный доклад директора Института актуальных исследований в Симле проф. Н. Рая. Содержанию классического термина «tribe», или «tribus», как обозначения племени он находит древнеиндийский эквивалент в термине «джана» и говорит: «Общность людей, о которой идет речь на этом семинаре, не племена, а джаны, или народы, такие же, как народы других территорий и культурных областей Индии». Далее, перечисляя «другие народы», он называет панджабцев, тамилы, бенгальцев и др. [с. 21]. Нам этот подход кажется правильным и перспективным для понимания проблемы зарегистрированных племен, Однако он требует не только учета этнических критериев, но и базирования на них всего анализа проблемы племен. К сожалению, большинство участников семинара, как и индийских антропологов вообще, не придает должного значения этническим признакам и тем более не склонно брать их за основу при составлении ответственных заключений. Вот почему призыв Суреш Сингха, открывшего семинар, чтобы «специально созданной комиссией были выработаны рациональные социальные и экономические критерии для определения племени» [с. XXV], может остаться без ответа.

Между тем 30 млн. индийских граждан, известных как зарегистрированные племена, существуют и составляют сложнейшую экономическую, социальную, культурную и политическую проблему для всего общества. Ни в одной другой стране, даже самой многонациональной и сложной по уровню социального и культурного развития народов, нет особо зарегистрированной части населения, которой было бы присвоено отличное от остальных жителей страны название и которая основным законом страны, конституцией, официально провозглашалась бы подопечной. И что бы в этом случае ни говорили другие статьи конституции о ее гражданском равенстве и даже некоторых отдельных правовых преимуществах перед другими, положение подопечного никогда не будет равным с положением опекуна, оно всегда будет унизительно, в особенности для тех племен, которые по уровню развития не уступают опекунам.

Так оно и есть в Индии.

В свое время колониальные власти и англичане в Индии вообще рассматривали всех индийцев в лучшем случае как подопечных. Но эти подопечные были слишком пестры в социальном, национальном и религиозном отношении, и задачи управления ими оказались сложными. И не для блага индийцев,

а для удобства управления опекуны внутри индийского общества выделили новые социально-административные категории: низшие (неприкасаемые) касты и отсталые племена. Те и другие существовали и раньше, но четких гражданско-правовых границ между ними и остальным обществом не было, а сами они никогда не рассматривали себя как отдельные всеиндийские общности со своими особыми интересами, правами и требованиями. Во время переписи населения 1931 г. обе группы были отдельно учтены и зарегистрированы. По отношению к ним предполагалось выработать особые меры опеки и покровительства. И в так называемом Законе об управлении Индией 1935 г. эти категории фигурируют уже под названием «зарегистрированные племена» и «зарегистрированные касты».

Если проблема неприкасаемых существовала в индийском обществе и до 1935 г. и даже приняла острый политический характер, то проблемы племен как некоей отдельной общности до тех пор вообще не существовало. Она была создана искусственно как продукт бюрократического, канцелярского творчества колониальных чиновников. Это и понятно: колониальной администрации для удобства управления индийцами полезно было всякое нововведение, разделяющее подданных и препятствующее их сплочению.

Но не ясно, почему в Конституции независимой Индии была сохранена эта особая категория граждан республики. С научной точки зрения не оправдано существование этой категории, ибо невозможно вразумительно ответить на вопрос: что может объединять, например, скотоводов тода, живущих в Южной Индии и говорящих на дравидийском языке, с живущими в джунглях Бихара примитивными охотниками и собирателями бирхорами, которых насчитывается менее тысячи, или исконными земледельцами Восточной Индии кхаси, говорящими на чуждом Индии, особом монкхмерском языке, и бхилами численностью более 3 млн., живущими на западе страны и говорящими на языке индоевропейской семьи. И выступая на семинаре, К. С. Матхур прямо заявил: «Племена Индии не имеют между собой ничего общего» [с. 460]. Все зарегистрированные племена в совокупности не имеют ни общего самосознания, ни общих органов самоуправления, ни общих общественных организаций. Они вовсе не обеспокоены якобы общими судьбами. Это беспокоит лишь их опекунов — всякого рода комиссаров, уполномоченных и целые учреждения правительственных ведомств, общественные и научные организации. Сами племена во всех этих организациях, как правило, не представлены.

Да и сама «проблема племен», или «ситуация племен» существует преимущественно в головах опекунов, из которых многие начинают понимать всю беспочвенность этой чисто схоластической проблемы. И прав тот же Н. Рай, когда по поводу включения в Конституцию республики «творения» колониаль-

ных чиновников говорил: «По-моему, это было неудачно и неразумно. Это определило наше отношение к таким народам и наш подход к решению их проблем, которые столь же их проблемы, как и всего индийского населения» [с. 21].

Какую-то видимость существования особой проблемы «зарегистрированных племен» порождает неправильное толкование действительно происходящих иногда конфликтов между отдельными племенами, а чаще между отдельными членами племен и отдельными же представителями или группами не принадлежащего к племенам населения. Тогда ученые, склонные к обобщениям, начинают толковать эти конфликты во всеиндийском масштабе — как проблему взаимоотношений «племен» и «неплемен», т. е. всего остального индийского населения.

На самом деле все эти конфликты носят конкретный, частный, местный характер. Сторонами в них выступают не безликие «племенные», а вполне определенные санталы, бодо, мизо и т. д., и не против безликих же «неплеменных», а против бенгальцев, ассамцев и др., и не вообще, а только против эксплуатирующих их бенгальцев и ассамцев. Бывали и затяжные конфликты целой локальной группы того или другого племени с местными землевладельцами или другой группой неплеменного населения по поводу ставших традиционными обид. Тогда неприязнь к притеснителям передавалась даже следующему поколению, возникали отрицательные эмоции по отношению к такого рода чужакам и употреблялись по их адресу нелестные термины, вроде «дику» (чужак), о чем говорили участники семинара. Но это местные термины, к тому же обозначающие определенные группы чужаков, а не вообще неплеменное население Индии. А термины «племена» и «неплемена» как общеиндийские понятия суть чисто схоластические категории. Не будь учреждена категория зарегистрированных племен, идея о мнимом общеиндийском конфликте «племен» и «неплемен» никому не пришла бы в голову.

Некоторые участники семинара считали необходимым провести перерегистрацию племен и пересмотреть список «зарегистрированных». В решении семинара даже записано, что следует создать для этого особую авторитетную комиссию из «социальных антропологов, социологов, экономистов-аграрников, общественных деятелей, администраторов и лидеров общественного мнения» [с. 630]. По этому поводу нелишне заметить, что даже семинар, составленный из ученых, высококвалифицированных администраторов и общественных деятелей, «забыл» включить в состав будущей комиссии, призванной решать судьбы племен, представителей самих племен. А ведь это значит, что судьбы их предполагается решать без их участия, что сам семинар встает в позу опекуна по отношению к племенам. Тем более характерна эта поза для организаций и обществ, менее просвещенных.

При такой постановке проблемы племена становятся пассивным объектом заботы о них правительства, ученых, отдельных энтузиастов и всего общества. А субъектом—радетелем за судьбы племен выступает кто угодно, только не сами племена. В этом, как нам кажется, обнаруживается слабая сторона подхода наших индийских коллег к проблеме племен. Всеми эта слабость ощущается, но не всеми осознается.

Но среди заинтересованных в судьбах племен есть и такие, кто подобно К. С. Матхуру и Сураджиту Синхе [с. 536—537] считает лучшим средством решения проблемы законодательную ликвидацию самой категории «зарегистрированных племен» как наследия колониализма, вызывающей искусственные конфликтные ситуации в индийском обществе и дополнительные проблемы на путях его интеграции. Проблеме интеграции были посвящены выступления организаторов семинара и несколько докладов на специальном заседании семинара, много внимания им было уделено и во многих других докладах, а также в дискуссии.

Проблема интеграции индийского общества закономерна и актуальна. Можно согласиться и с условиями интеграции, сформулированными на семинаре профессором Н. Раем: «Суверенная, независимая, территориально единая Индия, секуляризм и плановая экономика, методом которой является индустриализация, а целью — социализм» [с. 24]. Конечно, к этим условиям процесса интеграции можно прибавить и другие. Но если из всего этого образуется «русло индийской национальной жизни», то все население Индии будет в нем интегрировано. Однако в печати, в общественных, административных и научных кругах, как и на семинаре, интеграция предлагалась в качестве неизбежной перспективы именно для «зарегистрированных племен». Никто не говорил, например, о необходимости интеграции тамиллов, бенгальцев, маратхов и т. д. По-видимому, они считаются уже попавшими в «русло национальной жизни», а интеграция для них — либо пройденный без всяких опекунов этап, либо они вообще не нуждаются в ней как предварительном условии прогресса.

Не только грамотный обыватель в Индии, но и люди, причастные к судьбам племен, даже ученые, практически представляют себе интеграцию как полную ассимиляцию, утрату языка, этнонима, стирание этнической специфики, т. е. этническую дезинтеграцию и растворение племен в пресловутом «русле» или «главном потоке» национальной жизни. Многие представляют себе этот процесс как мелиорацию: застойные водоемы племенной жизни поглощаются единым свежим потоком национальной жизни. А задача ученых и всех друзей племен сводится к созданию наиболее благоприятных условий для этого процесса.

Проф. Г. Чаттопадхьяй, например, занимает даже более решительную позицию, заявляя: «Итак, мой совет сводится к

тому, чтобы совершенно отказаться от идеи интеграции, а думать о том, как помочь племенам как можно более детрибализоваться, чтобы в дальнейшем не было различий между ораном и бихарским индусом или мусульманином, тамилом и тода и т. д.» [с. 491]. По существу, многие в Индии разделяют эту позицию, но предпочитают высказываться менее откровенно. А позиция во многом спорная.

Семинар показал, что даже ученые не сомневаются в единстве судеб и едином пути для всех племен, довольствуясь при этом неопределенным, во всяком случае ненаучным, понятием «национальная жизнь» или терминологическими его модификациями как формулой, не требующей разъяснений и не подлежащей дискуссии. Между тем интеграция в такой ее постановке, как и понятие «русло индийской национальной жизни», — едва ли не самый слабый пункт во всей политике индийского общества по отношению к племенам.

Прежде всего никто не спросил племена о предпочтительных для них путях к прогрессу. А ответ на такой вопрос не может быть однозначным. Поэтому ничем не обоснованы высказанные даже на семинаре предположения, что большинство племен, во-первых, стремится к исчезновению с исторической сцены, а во-вторых, — к исчезновению именно «почетным» путем интеграции. При этом подразумевалось, что интеграция для них адекватна прогрессу. Некоторые из выступавших на семинаре допускали, что и в общем потоке национальной жизни племена могут сохранить кое-какие традиционные черты. Но никто даже не высказал предположения, что социальный и культурный прогресс возможен и при другом подходе: на базе развития родных языков, племенной культуры и традиций, национального самосознания, что в некоторых случаях это кратчайший путь прогресса, сопровождающийся интеграцией, но уже на более высоком национальном уровне. Никто при этом не вспомнил об опыте других многонациональных стран, например Советского Союза.

Интеграция как призыв к национальному единству звучит громко и гордо, но что она практически может значить для племен, ставших на этот путь? Куда вынесет их «русло» или «основной поток» «национальной жизни»? Какова реальная перспектива их дальнейшего существования?

Все племена живут в конкретном этническом и национальном окружении, обычно на территории расселения какого-либо крупного народа (или рядом с ним), не принадлежащего к категории «племен». Наоборот, этот народ относится к другой, схоластической категории «неплемен», с которыми племена будто бы находятся в постоянном конфликте, но интеграция, слияние племен с ними будто бы является неосознанной целью племен и вождельной мечтой их радетелей из того же неплеменного слоя индийского общества.

Практически в результате процесса интеграции, как бы он ни протекал — легко или болезненно, племена превращаются не в каких-то абстрактных, не помнящих родства представителей индийской нации, а в конкретных тамилгов, бенгальцев, ассамцев, маратхов, гуджаратцев и т. д. Но после включения их в индуизированное кастовое общество тех же бенгальцев, тамилгов, маратхов они не могут занять в нем высокое социальное положение, а фактически пополняют собою ряды низших, иногда неприкасаемых каст, и уровень их жизни часто оказывается ниже положения и уровня племен. Это бросается в глаза даже постороннему наблюдателю в местах контактов «племен» с «неплеменным» населением.

Тревога по этому поводу звучала в выступлениях представителей племен на семинаре (Криелено Терхуджа и М. Д. Пугх — с. 548; Аламчиба Ао — с. 614 и др.). Старейшина индийских этнографов Н. К. Бос пытался успокоить их ссылкой на общие гуманные, гандистские основы политики по отношению к племенам. Но попытки решения проблемы и достигнутые результаты все же не удовлетворяли обычно ни племена, ни занятые их судьбами общественные круги.

Итак, положение племен в современной Индии все так же неопределенно, как было и на заре ее независимости. Для некоторых кругов общества оказались неожиданными требования, которые ему предъявили ими же опекаемые племена, и еще более неожиданными — уступки правительства, выразившиеся в предоставлении некоторым из племен культурной и региональной автономии. Всякое движение племен за местное самоуправление и автономию теми же кругами рассматривалось как экстремистское и сепаратистское. Происходило это оттого, что в племенах видели не живую реальность, а некую абстрактную метафизическую категорию.

Прежний подход к племенам как выдумке британских чиновников, а с другой стороны — сохранение действительно канцелярской категории «зарегистрированных племен» как отдельной составной части общества явно не оправдали себя. Они заводят в тупик и ученых, и практических работников, пытающихся помочь этой части индийского населения. Вероятно, только этнические критерии позволят научно классифицировать категорию «зарегистрированных племен», выделив из этой массы и действительно племенные этнические общности, и неплеменные, и надплеменные группы, и народы, имеющие необходимые признаки для исключения их из числа племен как более развитая этническая общность. Если признать, что «зарегистрированные племена» — это этнические общности, стоящие на разных уровнях общественного развития, тем самым за ними будет признано право на самосознание и на дальнейшее развитие и можно будет таким образом выйти из тупика, в который зашла проблема племен. Естественные процессы интегра-

ции различных народов пойдут разными путями, и ученым не придется решать надуманные проблемы «зарегистрированных племен», которые возникли только потому, что когда-то эти племена были зарегистрированы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tribal Situation in India. Transactions of the Indian Institute of Advanced Study, vol. 13, ed. by K. Suresh Singh. Simla, 1972.